

Разослано 8.VI.1937г.

№ ПЗ727

№ ПЗ710

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
тов. ЕЖОВУ Н.И.

Арестованного УБОРЕВИЧА
Иеронима Петровича.

1-го июня 1937 года я подал на Ваше имя заявление о том, что являюсь участником антисоветского военного заговора, направленного к свержению существующего строя.

В дополнение к поданному мною заявлению, в котором я признал свое руководящее участие в антисоветском военном заговоре, хочу изложить подробно о моей антисоветской предательской работе против партии, правительства и народов Советского Союза, о всех планах военного заговора и о всех известных мне заговорщиках.

В заговор я был вовлечен Тухачевским, который его возглавлял. В состав центра руководившего антисоветским военным заговором входили Тухачевский, Якир и я, Уборевич. Мы поддерживали контакт с Гамарником, которого информировали о всей нашей заговорщической работе, о наших антисоветских задачах и планах. Я лично с Гамарником поддерживал связь по антисоветской работе до весны 1936 года. Ближе всего к Гамарнику был Якир.

Предварительно считаю необходимым указать, что созданию заговора предшествовала военно-политическая групповщина в составе Тухачевского, Якира и меня, Уборевича, направленная против единства руководства армией и Ворошилова.

Сначала на этой почве произошло мое сближение с Тухачевским. С конца 1933 года Тухачевский начал принимать меры к сближению меня с Якиром, который так же, как и мы резко критиковал работу Наркома Обороны и выражал свое недовольство руководством Красной армии.

У Тухачевского большую роль, помимо всего прочего, играло также личное честолюбие.

Когда после смерти Фрунзе было намечено назначение Наркомом Ворошилова, Тухачевский был до крайней степени обозлен. Он почти все годы впоследствии говорил, что если бы не Буденный и Егоров, то Ворошилов никогда не удержался.

Для политической характеристики Тухачевского считаю нужным привести следующие факты:

Еще в 1921г. он любил сравнивать себя в Наполеоном и в разговорах со мной давал понять, что его честолюбие пойдёт далеко.

В феврале 1936 года, когда мы были с Тухачевским в Париже, я предложил ему пойти посмотреть могилу Наполеона, он мне ответил: "неудобно, это сразу поймут".

Особенно обострилась вражда Тухачевского весной 1930 года, когда Сталиным и Ворошиловым был раскритикован и признан немарксистским его проект армии военного времени. Он мне тогда говорил: "я, мол, внешне выдерживаю, мягко стелю, но жестко будет спать".

Как я уже указывал, на почве недовольства руководством Красной Армии, произошло сближение между Тухачевским, Якиром и мной и несмотря на ряд существовавших между нами разногласий по военным вопросам, мы заблокировались и вели жесточайшую кампанию против Ворошилова.

В этом нас постоянно поддерживал и Гамарник.

Попутно росли и наши антисоветские настроения.

Тухачевский от меня своих антисоветских взглядов не скрывал, я же с 1933г. испытывал сильное колебание по вопросам коллективизации, считал, что партия проводит неправильную политику и сочувствовал правым. Этими своими настроениями я делился, между прочим, и с секретарем Западного обкома ВКП(б) Румянцевым, который постоянно поддерживал мои настроения и говорил, что "мы не вылезаем из затруднений, из-за коллективизации много потеряло и разорилось сельское хозяйство".

Во всех моих разговорах с Румянцевым я чувствовал, что он крепко правый.

После прихода в Германии к власти Гитлера, у Тухачевского, меня и Якира, в связи с ростом наших антисоветских настроений, появилось неверие в военную мощь Советского государства, о чем мы делились в разговорах друг с другом.

Мы считали, что в будущей войне с фашистскими Германией, Японией и Польшей Красная армия будет обязательно разбита.

После возникновения военного заговора, с конца 1934г., когда мы стали на путь прямого предательства, это неверие переросло в пораженчество, т.е. мы начали проводить активную контрреволюционную работу, направленную к тому, чтобы создать условия, обеспечивающие поражение Красной Армии в будущей войне.

Тухачевским я был вовлечен в антисоветский военный заговор в 1934г. в период маневров Белорусского военного округа, но тогда разговор Тухачевского со мной происходил в виде общих фраз и намеков о существовании в армии, возглавляемой им, антисоветской организации. При этом Тухачевский высказывал пожелание, чтобы и я примкнул к ней.

Конкретный разговор по этому вопросу произошел у меня с Тухачевским в марте 1935 года, когда я по приезде в Москву встретился с ним в его служебном кабинете.

Тухачевский, начав разговор с темы о предстоящей войне и обрисовав мне внутреннее и внешнее положение Советского Союза как совершенно неустойчивое, подчеркнул, что наряду с этим германский фашизм изо дня в день крепнет и усиливается.

Особый упор он делал на развертывание Германией могущественной армии, на то, что на решающем Западном фронте немецкие войска будут превосходить Красную армию в полуторном размере и поэтому разгром Красной армии, по его мнению, неизбежен.

Тогда же Тухачевский мне заявил, что мы не только должны ожидать поражения, но и готовиться к нему для организации государственного переворота и захвата власти в свои руки - для реставрации капитализма.

Вернувшись к разговору, который у нас был в 1934г., Тухачевский уже в более конкретной форме сообщил мне о существовании в армии антисоветского заговора, направленного к свержению советской власти, заявив, что он этот заговор возглавляет и консолидируется с правыми и троцкистами.

Несмотря на то, что Тухачевский говорил о консолидации с правыми и троцкистами, я из его отдельных намеков понял, что он на них смотрит, как на временных попутчиков, имеющих общую задачу свержения советской власти, а в действительности он стремится к единоличной диктатуре.

Тухачевский предложил мне примкнуть к руководству антисоветским военным заговором, на что я изъявил свое согласие.

После этого Тухачевский сообщил мне, что организация государственного переворота приурочивается к возникновению войны с фашистскими государствами - Германией, Японией и Польшей и поэтому мы должны активными действиями создать такие условия, которые обеспечивали бы и облегчали Германии нанести поражение Красной армии.

В конце нашего разговора Тухачевский развернул мне свои планы организации поражения Красной армии и те конкретные задачи, которые в связи с этим ложатся на меня.

До того, как я перейду к изложению этих конкретных планов поражения и возложенных на меня задач, я считаю необходимым указать, что в конце 1935 года, после Киевских маневров, Тухачевский мне сообщил, кажется, в присутствии Якира о другом варианте организации государственного переворота и захвата власти в свои руки, рассчитанном на мирный период. Этот вариант сводился к тому, чтобы опираясь на отдельные воинские части, руководимые заговорщиками, неожиданным налетом арестовать членов Политбюро и правительства. Подробно этот план Тухачевский мне не развивал, но мы договорились, что в случае организации переворота я должен буду оказать ему поддержку.

Возвращаясь к разговору с Тухачевским в марте 1935г., считаю необходимым показать, что он мне тогда же назвал,

как принимающих руководящее участие в антисоветском военном заговоре - Якира, Гамарника, Эйдемана и Корка, и, как участников организации Роговского, Белицкого, Ольшанского, Апогу, Кучинского и, кажется, Левичева.

Говоря о Якире, как об одном из руководителей антисоветского военного заговора, он сказал, что последний развернул большую работу на Украине, где у него уже имеются кадры подобранных и соответственно расставленных людей.

Об Эйдемане он говорил, что тот проводит большую антисоветскую работу в системе Осоавиахима и что эта работа является для военного заговора очень важной.

В последующих встречах со мной Тухачевский еще назвал как участников военного заговора - Фельдмана и Ефимова.

О том, какую конкретную работу в антисоветском заговоре проводит Гамарник, Тухачевский мне не говорил, но его сотрудничеству с нами он придавал исключительно большое значение.

Возвращаясь к вопросу тех планов организации поражения Красной армии и возлагавшихся на меня в связи с этим задач, которые Тухачевский развил в разговоре со мной в марте 1935 года.

К этой части разговора подошел Якир и весь разговор велся в его присутствии.

Прямо на карте Германии, Польши, Литвы и СССР Тухачевский нарисовал два варианта возможного развертывания германских армий, считая примерный состав, кроме поляков - до 40 стрелковых дивизий, 3 мехдивизий, 6 моторизованных дивизий и около 2.000 самолетов к концу 1936 года.

1-й вариант - оставив армию типа заслона в районе Вильно-Ораны и вторую небольшую армию Ораны-Гродно, главные силы до 30 дивизий с мотодивизиями и мехдивизиями и польскими частями, - бросаются через Барановичи-Лиду для захвата Слуцка и Минска, отрезают основное железнодорожное сообщение Красной Армии, оставляя для РККА только Полоцк и Лепель, т.е. малоемкие железнодорожные магистрали.

Тухачевский говорил, что этот вариант развертывания немецкой армии может нанести сильное поражение Красной армии при условии, если последние будут слабы в районе Барановичи-Лида, и будут иметь главные силы, разбросанными по болотисто-лесным районам от Лиды через Свянцаны и Поста-вы до Западной Двины.

При этом варианте он указал, что именно так надо будет строить развертывание Красных армий во время войны, чтобы облегчить задачи их поражения.

2-й вариант - развертывание немецкой армии, изложен-ный нам Тухачевским, сводился к следующему:

Значительные силы поляков и немцев бросаются южнее Полесья на Украину. В этом случае возможен отход польских частей на линию Белосток-Пружаны и тогда Красные армии под Гродно до Картузы-Бережа сосредотачиваются главными силами южнее Немана, втягиваются в этот мешок и германские армии силой до 30 дивизий с механизацией, действуя севернее Гродно, могут нанести Красным большое поражение.

Таким образом для создания условий поражения Красной армии Тухачевский поручил мне строить Западный фронт главными силами южнее Немана при слабых резервах в районе Лида-Вильно.

Тухачевский дал мне указание, что при проведении опе-рации вторжения на второй день после объявления войны на Барановичский укрепленный район надо бросить, главным обра-зом, вторую конную армию с мехчастями, учитывая трудности действия конницы против крепости и слабую вооруженность третьей и четвертой мехбригад танками Т-26, что должно повлечь исключительно большие потери.

Тухачевский при этом подчеркнул, что действия немец-кой авиации будут неуловимы, т.к. они будут вылетать с тыловых аэродромов Бранденбург-Восточной Пруссии, а за-правляться на передовых аэродромах на территории Польши и производя налеты, возвращаться к себе в глубокий тыл.

Авиация же Красной армии Западного фронта не имеет возможности совершить такой маневр, так как основная масса ее аэродромов находится на территории Белоруссии, западнее Березины, а Западная область очень бедна аэродромами для маневров в тылу.

Кроме того Тухачевский считал весьма вероятным применение со стороны немцев стойких ОВ типа иприта для поливки массового скопления конского состава РККА.

Особенно он подчеркивал преимущество немцев в моторизованных дивизиях и автотранспорте для маневра против стратегического фланга Красных.

Из слов Тухачевского я понял, что эти варианты организации поражения Красной армии увязаны им с Германским генеральным штабом.

Мне известно, что связь с Германским генеральным штабом Тухачевский поддерживал через германского военного атташе в Москве - генерала Кестринга.

Развивая мне и Якиру план организации поражения Красной армии, Тухачевский указывал, что необходимо для подрыва боеспособности частей РККА развернуть вредительскую подрывную работу по следующим основным направлениям:

Создавать открытые бензонефтехранилища и артиллерийские склады, которые смогли бы быть легко уязвимы с воздуха.

Не развивать авторемонтные базы для танков и автомобилей, срывать мобилизацию госпиталей.

В середине лета 1936 года он мне дал указание о проведении вредительства по укрепленным районам.

Тогда же в 1935 году Тухачевский информировал меня о том, что Апогой проводится большая вредительская работа по линии военных железнодорожных сообщений.

Для обеспечения проведения вредительской работы и подготовки поражения, Тухачевский поручил мне подобрать кадры, которые можно было бы вовлечь в антисоветский военный заговор и расставить их по соответствующим участкам.

В Белорусском военном округе мною были вовлечены в антисоветский военный заговор следующие лица:

Начальник штаба округа Бобров; Заместитель начальника штаба округа Карпушин; Начальник Строительно-квартирного отдела Козловский и его заместитель Пуцеловский; Помощник начальника артиллерии округа Абрамов; Начальник Отделения артиллерийских баз Мартынов; командир 16-го стрелкового корпуса Шах-Назаров; заместитель начальника штаба этого же корпуса Поплыка; Начальник ВОСО округа Крук, о котором мне было известно, что он связан с Апогой.

Командир 5 стрелкового корпуса Казанский, командир 1 танковой бригады Фавицкий и его Нач.штаба Бочаров.

Последние двое были по моему поручению вовлечены в военный заговор Бобровым, с которым и были связаны по контр-революционной работе.

Мною также были вовлечены в военный заговор прибывшие с Дальнего Востока в 1936г. Мерецков и Лапин и командир 8 корпуса Зюс-Яковенко.

Всехуказанных лиц я посвятил в существование антисоветского военного заговора, направленного к свержению Советской власти и давал им задания подбирать кадры надежных людей, на которых они могли бы опереться в нужную минуту и проводить вредительскую работу.

Кроме этого я рассчитывал, что целый ряд командиров, которых я не посвящал в существование заговора, по личной преданности мне выполнят любой мой приказ и пойдут туда, куда я их поведу.

Боброва и Карпушина я вовлек в заговор в 1935г. Этому предшествовала длительная их обработка с моей стороны, сводившаяся к подготовке их понимания, сначала возможности, а потом желательности поражения Красной армии в войне с Германией.

После вовлечения в заговор я поставил перед Бобровым задачу оперативного руководства во время войны пораженческими операциями, а Карпушину - проводить вредительство в организационных и мобилизационных вопросах.

Козловского я знал давно. Он являлся очень преданным мне человеком и в мае 1936 года, когда я вместе с ним отдыхал в Сочи, я его посвятил в существование заговора и привлек к антисоветской работе. Впоследствии Козловский уже, в свою очередь, по моим указаниям вовлек в заговор своего помощника Пуцеловского. Козловскому и Пуцеловскому я поручил вредительство в строительстве артиллерийских складов и ангар, дав указание, что строительство они должны вести с таким расчетом, чтобы склады и ангара были открыты и легко уязвимы с воздуха.

Абрамов и Мартынов были мною вовлечены в заговор осенью 1935г. Обработка их мною проводилась также постепенно и несмотря на то, что они являлись, безусловно, преданными мне людьми, я их в курс всей проводимой контрреволюционной работы не вводил, ограничившись лишь сообщением в общих чертах о существовании заговора и его задачах. Им я дал указание вредительского порядка в отношении комплектации боеприпасов для военного времени и запаздывания в сроках подачи их на фронт.

Осенью 1935 года, после маневров, мною был вовлечен в антисоветский военный заговор Шахназаров. Последний был мне известен как бывший офицер, человек неустойчивых политических взглядов, лично мне чрезвычайно преданный.

Шахназарова я посвятил в существование военного заговора, рассказал ему о задачах, предложил ему вовлечь в заговор Поплыко и совместно с ним проводить мероприятия по ухудшению качества мобилизуемых войск корпусного округа.

В ближайшие же дни Шахназаров мне сообщил о том, что он с Поплыко имел разговор и последний согласился принять участие в заговоре.

С Крюком мне оставалось только договориться - поскольку мне было известно, что он связан по контрреволюционной работе с Аппогой и выполняет его прямые указания по вредительству в области военных сообщений.

Как я уже указывал, Фавицкий и Бочаров были вовлечены через Боброва. На них была возложена задача на военное время при операции вторжения так организовать управление, чтобы не получилось эффективного действия танков.

Казанский был мне известен как троцкист. Летом 1935г. я в разговоре с ним, прощупывая его политические настроения, установил, что он находится в курсе организации военного заговора в Москве. Я ему дал понять о своем участии в заговоре и сказал, что рассчитываю на него при проведении операций поражения.

Зюс-Яковенко был мне известен как большой германо-фил и поэтому вовлечение его в военный заговор не представляло для меня больших затруднений. Я его предупредил, что на военное время ему будут поставлены особые задачи поражения чуждого порядка.

Мерецкого я вовлек в мае 1936, когда вместе с ним отдыхал в Сочи. У меня с ним всегда были очень близкие отношения. Я ему рассказал, что в войне с Германией неизбежно поражение и, что в связи с этим Тухачевским ведется подготовительная работа по захвату власти и что я в этой работе принимаю активное участие.

Я предложил Мерецкому примкнуть к антисоветскому заговору, на что он ответил полным согласием.

Лапина я вовлек весной 1936 года, причем в момент вовлечения мною его в заговор оказалось, что он уже полностью ориентирован в этом вопросе. Разговор с Лапиным происходил у меня в Москве, весной 1936 года, на моей квартире.

При моих встречах с Тухачевским и Якиром мы взаимно информировали друг друга о проводимой нами работе по организации военного заговора и подготовке соответствующих кадров.

Помимо командиров, которых я вовлек в антисоветский заговор и возложил на них определенные, конкретные задачи контрреволюционной работы, я рассчитывал на ряд командиров, которые были мне известны своими антисоветскими настроениями,

но которых прямо в заговор я не вовлекал. К этой категории я отношу командира 5-й механизированной бригады Менджеричко-го и начальника Политотдела этой же бригады Дракохруста, которые были мне известны как троцкисты.

Исходя из тех расчетов, которые я в отношении их строил, я их всемерно поддерживал и когда встал вопрос о их откомандировании из округа, я всячески их откомандирование тормозил.

Должен добавить, что у меня в округе находилось около 1.200 командиров и политработников, главным образом, исключенных из партии по разным причинам: за троцкизм, бывших белых, за антисоветские настроения, социально чуждых, которых я рассматривал как готовый материал, пригодный для использования в качестве активной силы на случай организации переворота.

В связи с этим я эти контингенты удерживал в округе, не допуская их демобилизации и всемерно затягивал их увольнение.

Возвращаясь к плану создания поражения на фронтах, выработывавшемуся Тухачевским, мною и Якиром, считаю необходимым указать, что по Украинскому округу план сводился к вторжению масс конницы с мехчастями вглубь польского театра военных действий, не ожидая готовности основных масс войск и артиллерии, что должно было повлечь поражение.

Во исполнение поставленных мне Тухачевским пораженческих задач мною конкретно было исполнено следующее:

По плану вторжения на Барановичи: к весне 1936 года мною лично, при участии Боброва, был разработан план операции вторжения с расчетом на поражение. Само вторжение было разработано Тухачевским с расчетом пустить конницу на проволочку, что означало явную гибель. Поскольку этот план являлся совершенно открытым предательством и мог вызвать преждевременный провал, то мне пришлось внести коррективы - заменить конницу целым стрелковым корпусом для боя в кре-

пости. Однако, сама эта операция по вторжению на второй день после объявления войны является преждевременной и была рассчитана на поражение, так как развертывание главных сил опаздывало на целых 14 дней и, таким образом, к моменту развертывания этих сил конница и механизация истощаются и не участвуют в главной операции.

11 стрелковый корпус, который нужен был для поддержки действий конницы на главном Минском и Барановичском направлениях, был запроектирован Аппогой к переброске в Лепельские и Полоцкие леса, чем обрекался фактически к бездействию и выключался из операции.

В области вредительства, направленного к срыву боеспособности частей Белорусского Военного Округа, нами конкретно было выполнено следующее:

1. Были построены открытые бензохранилища в прифронтовой полосе и продолжается стройка таковых, что облегчает разгром их авиацией противника.

2. Строятся также артиллерийские склады в прифронтовой полосе открытого типа, что облегчает их разгром авиацией противника и лишает части боекомплектов. Такие склады строятся в Лепле, Осиповичах, Бобруйске.

По авторемонтным базам был взят курс на задержку их развития в прифронтовой полосе. Участник военного заговора Ольшанский с этой целью, вместо необходимых 7-8 миллионов для Западного фронта, выделил только около 3-х миллионов.

На ремонтных заводах по танкам, как в мирное время, так и особенно для военного времени почти отсутствуют запасные дефицитные части, что вызовет в военное время срывы ремонта танков и длительные простои.

Большое вредительство было проведено в области строительства. 1936 год был закончен в округе с большими срывами ввода в эксплуатацию казарм, конюшен, складов, что поставило вновь формируемые части в исключительно трудные условия размещения красноармейцев и сохранения ценного боевого имущества.

Пуцеловским было проведено вредительское строительство авиационного городка в Шайковке. Плохо были заложены фундаменты и общее качество работы очень низкое.

В 1935 году, по вредительскому техническому проекту из Москвы для самолетов СБ, развернуто строительство одно-боковых ангар, в состав которых входит огромное количество деревянных деталей, что исключительно опасно в пожарном отношении. В остальном ангара неудобны для эксплуатации самолетов.

Мосты через местечко Свислочь железной дороги Осиповичи, Могилев, Мозырский и маленькие мостики в Оршанском уезде оставлены без зенитной артиллерии.

В области ПВО проведено следующее вредительство:

Ефимовым оставлено без дальномеров 35% зенитных батарей в округе, что фактически приводит батареи к бездействию.

Не проведено Ефимовым перевооружения всей зенитной артиллерии на современную пушку 1931г.

Имеющийся зенитный прибор "Крузо" позволяет стрелять по самолетам со скоростью движения меньше 280 килом., в то время как современные самолеты имеют до 400 и выше километров.

Разработанного прибора зенитной стрельбы по быстро движущимся самолетам не имеется. Также нет зенитного прибора, учитывающего маневр самолета по высоте.

Зенитные батареи не имеют полностью снабжения тракторами, что делает их не маневро-способными и замедляет их выброску из гарнизонов на огневые позиции. Больше 50% батарей не имеют освещений для ночной стрельбы и необходимых прожекторов.

Шрапнель для зенитной стрельбы - снаряд неудовлетворительный.

15% госпиталей в округе не имеют законченных мобпланов. Это было достигнуто тем, что я пом.нач. Санитарного отдела округа Кобызева, который должен был сидеть на мобвопросах, посадил на курортные вопросы.

В области вещевого довольствия вредительство выразилось главным образом в отношении важнейшего вида снабжения - обуви. На сегодняшний день фактически для военного времени не хватает, примерно, около трети, керзовые сапоги для войны, связанной с длительными сроками пребывания в воде, в окопах, в условиях зимы - негодны и вызовут огромное количество простудных заболеваний и выход из строя большого количества людей. Одежда наших бойцов не защищена от капель иприта; бойцы не имеют на 75% стальных шлемов для боя; вещевые мешки для походной боевой деятельности мало пригодны; ранцев почти нет.

Во время игр в 1936г. я и Якир информировали Тухачевского о вредительской работе, которую мы проводим в наших округах. Подробности информации Якира по этому вопросу я уже не помню, но в основном его вредительская работа была аналогична той, которая проводилась мною в Белорусском военном округе.

Должен указать, что помимо связи Тухачевского, как руководителя антисоветского военного заговора с германским генеральным штабом, 14 или 15 февраля 1936 года я на банкете в Париже у генерала Гамелена, начальника французского генерального штаба, имел переговоры с его заместителем генералом Швейцгутом о том, как они отнесутся к изменениям политического строя в Советском Союзе, учитывая приход к власти Тухачевского.

Эти переговоры я вел по поручению Тухачевского, Швейцгут ответил, что он приедет осенью 1936 года на маневры, или другим способом сообщит позицию в этом вопросе французского генерального штаба и правительства.

Швейцгут, будучи на осенних маневрах в Белоруссии в 1936 году, в разговоре со мной 10 сентября во время гуляния в наблюдательном пункте в лесу, заявил мне, что они, т.е. французское правительство и генеральный штаб приветствуют возможности выдвижения Тухачевского в руководство страной, но ставят условия - решительную враждебную позицию против Германии.

Я там же на маневрах сообщил об этом Тухачевскому. Тухачевский мне рассказывал, что такое же зондирование он лично проводил в Лондоне, кажется через военного министра Купера, английских правительственных кругов и получил ответ, который привожу дословно: "Англия будет приветствовать укрепление России".

Этими моими показаниями не исчерпываются все те тяжёлые преступления, которые мы совершили против партии и Советского государства. В дальнейших своих показаниях я вспомню и полностью сообщу следствию о всей контрреволюционной работе участников заговора, готовивших разгром Красной армии и совершивших величайшее предательство социалистической родины.

Если бы этот гнусный заговор не был вскрыт, это стоило бы Советскому Союзу огромных жертв и вызвало бы в момент войны исключительные затруднения.

Как изменники и предатели мы заслуживаем самого сурового наказания.

УБОРЕВИЧ

3 июня 1937г.

30-но
ня